

ные, даже если должники „сами бьют челом“ об этом,¹ — только продолжают развивать дальше враждебную полному рабству тенденцию Московского правительства второй половины XVI в. Правительство в целях охраны своей податной системы стремится к тому, чтобы тяглый крестьянин ни каким образом не мог попасть в разряд полных и докладных холопов.

Вместо рабов-пленников и рабов, попавших в рабство вследствие задолженности и по другим причинам, во второй половине XVI в. ряды челяди пополняются новым элементом, главным образом путем так называемого кабального или познренного холопства. Кабальное холопство достигает огромного развития к концу XVI в.

Характерно, что в кабальное холопство нередко пишутся „нищие и гулящие люди“, уже побывавшие в казаках на Волге и Дону. По Новгородским кабальным книгам 1597 и 1599—1600 гг. мы видим следующий состав записавшихся в кабальное холопство: из 65 лиц — 25 сирот малолетних, 10 нищих и гулящих людей, 18 людей без определенных занятий и только 12 человек, имевших самостоятельное хозяйство.² Это в большинстве случаев был народ, плохо мирившийся со своим закабалением и легко разрывавший кабалу уходом в „дикое поле“. Взаимоотношения между челядью и владельцами во второй половине XVI в. были сильно напряжены. Они все более и более обострялись по мере роста крестьянских волнений, пока, наконец, в начале XVII в. и холопы и крестьяне не выступили вместе против правящих классов.

В „Повести об Улиянии Осорьиной“ и нашел свое отражение вот этот период брожения в среде холопов, предварявший окончательный взрыв. В повести прекрасно характеризуется самая среда рабов: среди них много рабов и рабынь „неразумных“, „строптивных“, невыполняющих приказаний; таких, которые легко могут и „татьбе коснуться“. Таким образом, осторожное отношение Улиянии к своей челяди, очевидно, было исторически обусловленной необходимостью. Глухо упоминает повесть и о крайнем акте возмущения рабов в поместьи Осорьиных: „Ненавидяй же добра враг тшашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смысленно и разумно рассуждая, смиряше. Враг же наустит раба их: и уби сына их старейшаго“. Очевидно, это одно из тех аграрных убийств, которые в конце XVI в. приобрели массовый характер.

Улияния во время голода отпускает своих рабов на волю. „В то же время, — говорится в повести, — бысть глад крепок во всей русстей земли... Велице же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся голодом. От них же доблоразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша. Она же со благословением

¹ Там же, стр. 26—27.

² Н. Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. Журнал Минист. нар. просв. за 1895 г., январь, стр. 215.